СОБОР РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА

Доклады научно-практической конференции
28-29 ноября 2002 года

Уфа — 2002

Редакционная коллегия:
д. и. н., проф. *Горбунов В.С.* (отв. ред.);
д. и. н., проф. *Иванов В.А.*; д. и. н. *Мурзабулатов М.В.*

Историческая демография русских Башкортостана (Доклады научно-практической конференции 28-29 ноября 2002 года). — Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2002. — 112 с.
ISBN 5-85051-254-3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА

Доклады научно-практической конференции
28 — 29 ноября 2002 года

Подписано в печать 26.11.02. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Объем 6,51 усл.-печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1934.
Отпечатано методом ризографии на ГУП «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.

Л.Д. Макаров

СЛАВЯНЕ В ПРИКАМЬЕ: ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ

Первое появление и обитание славян в бассейне р. Камы относится к первой половине — середине I тыс. н.э. Именно в это время в Среднее Поволжье, Нижнее и отчасти Среднее Прикамье проникают выходцы из ареалов вельбаркской, пшеворской, зарубинецкой, черняховской и киевской археологических культур (территории современных Польши, Румынии, Молдавии, Украины и Белоруссии), среди которых преобладали представители праславян. Пришельцы оставили после себя древности славкинского (II — III вв.) и лбищенского (III — IV вв.) типов, а также памятники именьковской культуры (IV — VII вв.). Если представление о первых двух группах памятников находятся пока на начальной стадии осмысления (см. работы Г.И. Матвеевой, Н.П. Салугиной и др.), то история изучения именьковских древностей насчитывает не менее полувека. Материальная культура, жилые и хозяйственные сооружения, погребальный обряд, особенности развития земледелия, скотоводства и ремесла однозначно свидетельствуют о славянских корнях именьковской культуры. Местные финно-пермские племена восприняли от именьковцев передовые хозяйственные традиции (пашенное земледелие, высокопродуктивное скотоводство, передовые ремесла) и ряд элементов культуры (лексические и другие языковые явления). Более сложными оказались отношения именьковцев с уграми-мадъярами (кушнаренковская и караякуповская культуры) и тюрками-болгарами, принимавшие порой формы вооруженной конфронтации. Считается, что следствием этого противостояния стала миграция основной массы именьковцев в Днепро-Донское междуречье, где они осели и оставили после себя памятники волынцевской культуры VIII — IX вв. Однако выявлены смешанные болгаро-именьковские поселения (раскопки Ю.А. Семыкина), а это свидетельствует о том, что какая-то часть именьковцев осталась в Волго-Камье и влилось в состав населения Волжской Болгарии. В последнее время высказано мнение об участии именьковцев в этногенезе волжских болгар (Седов В.В., 2001), что созвучно предположению А.П. Смирнова полувековой давности о «славянизированных болгарах» (1952, с. 215 — 216) и его заключению «о большом влиянии русской культуры на сложении культуры волжских булгар в период X — XIV вв.» (Смирнов А.П., 1951, с. 164). Совершенно очевидно, что требуется дополнительный тщательный анализ уже известных источников и поиск новых памятников с полиэтничными материалами.

Следующий период появления в Прикамье выходцев в территории Древней Руси начинается на рубеже I и II тыс. н. э. Однако проникновению древнерусских поселенцев предшествовало поступление древне-

русского импорта, начавшееся в X — XI вв. и охватившее весь прикамский регион. На многих его памятниках обнаружены попавшие сюда в результате торговых операций украшения, принадлежности костюма, отдельные предметы вооружения и быта, орудия труда, шиферные пряслица, денежные слитки, монеты и драгоценные вещи (Макаров Л.Д., 1997). Многие находки могли принести с собой и поселенцы из Древней Руси, однако в условиях отсутствия при них древнерусской керамики говорить о принадлежности этих вещей поселенцам преждевременно. Изученность регионов Прикамья далеко не равномерна. Лучше исследованы памятники в Нижнем и Верхнем Прикамье и на Средней Вятке, причем везде львиная доля древностей приходится на городские поселения, что объясняется их лучшей изученностью. Освоение прикамских земель древнерусскими поселенцами происходило в два этапа — XI — XV и XVI вв. Первый этап происходил в условиях раздробленности Русского государства и имел известное разнообразие: сочетались различные формы колонизации — крестьянская, посадская, промысловая, церковная, боярская, княжеская. Второй этап в основном носил государственный характер — санкционировался центральными властями страны.

Начало проникновения славян в восточные районы Европейской России приходится на конец X — XI вв. И если на северо-востоке можно видеть лишь эпизодические походы новгородских купцов и сборщиков дани, то в Волго-Камье впервые после оттока именьковцев отмечается расселение выходцев из Древней Руси. Так, по сведениям ибн-Фадлана (922 г.) русские купцы на территории Волжской Болгарии строили себе «большие дома из дерева». Археологические раскопки во многом подтвердили наличие на болгарских памятниках существенного древнерусского (славяно-финно-скандинавского) компонента. В процессе широких раскопок, произведенных в 1950—1990-е гг. под руководством А.П. Смирнова, Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.Г. Фахрутдинова, Е.П. Казакова, Ф.Ш. Хузина, С.И. Валиуллиной, Н.А. Кокориной, К.А. Руденко, Л.Ф. Недашковского и их коллег был выявлен значительный фонд древнерусских находок и сооружений. Обобщение этих древностей проведено М.Д. Полубояриновой (1993). Наиболее интенсивные следы пребывания выходцев из Древней Руси (а всего памятников с признаками пребывания насчитывается около 40) обнаружены в приустьевой части Камы — в городах и на ряде укрепленных и неукрепленных поселений. Так, в заречной части города Болгара исследован древнерусский поселок ремесленников середины XIII — первой половины XIV в. (Хлебникова Т.А., 1956). Остатки жилищ обнаружены и на территории городища, всего же в городе выявлено 14 жилых построек, около одной из них зафиксирована деревянная мостовая шириной более двух метров. В цитадели г. Биляра обнаружена усадьба русских мастеров-янтарщиков, состоящая из двух полуземляночных

жилищ и хозяйственных ям домонгольского времени. Древнерусские материалы обнаружены в других городах (Джукетау, Казань, Сувар и др.), на укрепленных поселениях и на более чем двух десятках селищ. Современные исследования свидетельствуют о проникновении славян в Нижнее Прикамье из Южной, а затем и Северной Руси вместе с верхневолжскими финнами и варягами, где обнаружен весьма заметный пласт материальной культуры XI — XV вв.

Появление славян и ославяненных финнов на северных и западных подступах к Прикамью относится с XII — XIII вв. Как раз в это время возникают первые сельские поселения и города в Заволжье и Поветлужье, в верховьях Северной Двины и Вычегодском крае. Именно эти территории стали базовыми для освоения районов Вятского края и Верхнего Прикамья.

В бассейне Средней Вятки широкие раскопки проведены в последние 40 лет Л.П. Гуссаковским, а также автором и его коллегами по Камско-Вятской экспедиции (Макаров Л.Д., 1985). К настоящему времени известно 45 памятников XII — XV вв., в том числе 21 селище (8 из них раскапывалось), 15 городищ (почти все стационарно исследовались), 7 могильников (все раскапывались), 2 местонахождения. Выявлен самый многочисленный в Прикамье фонд древнерусских источников. В результате были установлены планировка и застройка поселений, выявлено устройство оборонительных укреплений, исследованы жилые (около 60), хозяйственные и производственные постройки, изучен погребальный обряд вятчан конца XII — середины XVI в. (раскопано 310 захоронений). В ходе раскопок накоплена внушительная коллекция предметов материальной культуры, позволившая реконструировать производственные, хозяйственные, промысловые, военные занятия вятчан, представить их повседневный быт, духовную культуру (Макаров Л.Д., 1985а). В итоге возникло следующее представление об истории Вятской земли. Бассейн р. Вятки начинает осваиваться русскими в конце XII — начале XIII в. Здесь возникают селища и городища, объединившиеся в Никулицынскую, Котельническую и Пижемскую волости. После монгольского нашествия они создают единое государство — Вятская земля с вечевой формой правления и центром во вновь построенном городе — Вятке (Хлынове). Позднее возникают города Орлов и Слободской. Местное удмуртское население, поначалу оказавшее сопротивление вооруженным дружинам пришельцев, достаточно быстро привыкает к иноэтничному соседству и в дальнейшем принимает участие в хозяйственной и политической жизни Вятской республики вплоть до уничтожения последней в 1489 г.

Значительное количество древнерусских находок выявлено на памятниках чепецкой культуры (Макаров Л.Д., 1997, с. 42 — 43, рис. 4). Особенно много их обнаружено на городище Иднакар, есть они и на других

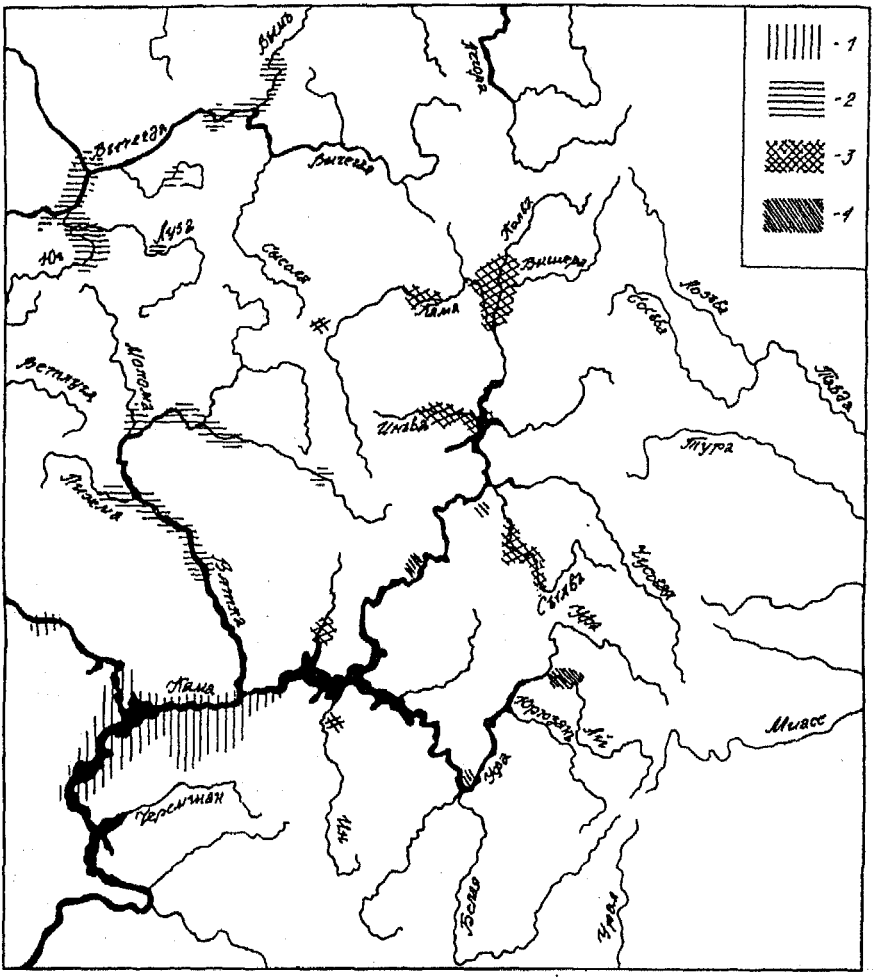

Рис. 1. Карта-схема территорий Прикамья, освоенных русскими: 1 - с X-XI вв.; 2 - с XII в.; 3 - с XIII в.; 4 - с XIV в.

поселениях и могильниках X — XIII вв. Исследователи полагают, что помимо торговых контактов населения чепецкой культуры имело с Русью более тесные связи, в частности в сфере кузнечного дела (Иванова М.Г., 1989, с. 13 — 14; 1992, с. 73 — 74). Не исключено, что уже в X — XI вв., если судить по ряду находок с Иднакара (гребень с княжеским знаком Рюриковичей, прикладная печать в форме шахматной фигурки, гребень с рисунком сложного креста), имело место какое-то древнерусское

присутствие в этом чепецком центре. В XII — XIII вв. происходит переориентация торговых связей Чепцы на Древнюю Русь, в верхних слоях Иднакара появляется керамика славянского и славяно-финно-пермского облика, документирующая присутствие среди обитателей городища древнерусских людей (Макаров Л.Д., 1996; Иванов А.Г., 1998, с. 149—172).

На родановских памятниках Верхнего Прикамья древнерусский импорт XI — XIII вв. обнаружен на более чем 55 объектах региона (Макаров Л.Д., 1997; с. 43—45, рис. 5, 6). С XIII в., когда появляется древнерусская керамика (городища Анюшкар, Роданово, Красная Горка), можно говорить и о проникновении сюда поселенцев. О массовой русской колонизации региона уместно рассуждать лишь с XIV — начала XV в., когда возникают поселения со смешанным русско-пермяцко-зырянским населением (Искорское, Чердынское, Редикорское, Лобахинское, Корнинское, Эсперово, Урольское, Старый Урол городища, Мелехинское, Покчинское, Постоноговское селища). Известно около 25 памятников, оставленных древнерусскими поселенцами. Наиболее масштабные раскопки проведены на Троицком (Чердынь) и Искорском городищах, где исследованы оборонительные укрепления, святилище, несколько жилых, хозяйственных и металлургических сооружений, получена емкая коллекция керамики и вещей. Менее значительные результаты достигнуты при изучении других памятников (Оборин В.В., 1990, с. 72— 83; Макаров Л.Д., 2001, с. 23—30, 38; рис. 1, 2, 67—79). Письменные источники и археология дают надежную основу для реконструкции прошлого Верхнего Прикамья. Впервые Пермь Великая упоминается под 1323 (1324) г., когда представляла собой, вероятно, город-государство «Пермь Великая — Чердынь», устроенное как народоправство. В 1451 г. в Чердынь был направлен московским великим князем Василием II в качестве наместника представитель верейского удельного княжеского дома Михаил Ермолич, ставший родоначальником Великопермского удельного княжества, в котором сохранялись еще известные вечевые устои и определенные привилегии местной туземной знати. Поход 1472 г. на Пермь московского войска под началом Ф. Пестрого свел на нет и вечевые традиции, и политический вес пермской знати, В 1505 г. с удельным княжением в Перми Великой было покончено.

При исследовании Среднего Прикамья (между устьями рр. Вятка и Чусовая) древнерусских находок найдено немного. Однако в их числе керамика на ряде городищ (Грохань, Елабужское) и селищ (Староселищенское, Пуроможгинское, Меллятамакское), два женских захоронения Котловского могильника со славяномерянским составом украшений XI — XIII вв., отдельные находки и клады (Макаров Л.Д., 1997а.). В последние годы древнерусские находки XIV—XV вв. найдены Д.А. Салангиным на поселениях Осинского Прикамья.

В бассейне р. Сылвы отрядами КВАЭ на 15 поселениях обнаружена древнерусская керамика XII — XVI вв., особенно много ее было в верхних слоях Верх-Саинского I городища (раскопки Р.Д. Голдиной). На ряде поселений и двух могильниках (Кишертский, Селянино озеро) найдены также отдельные украшения, предметы вооружения, быта, орудия труда, керамика (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995).

В бассейне р. Белой известны отдельные древнерусские находки, например, Петровский клад, в состав которого входили рубчатый и овальнощитковый перстни, аналогичные находкам X — XIII вв. На Уфимском (Чертовом) городище обнаружен древнерусский железный замок XIII—XIV вв., может быть связанный с жилыми полуземлянками, имевшими угловые печи (Археологические..., 1996, табл. 16—23; Гарустович Г.Н., 1998, с. 11 — 13). В 1980-е гг. А.И. Лебедеву удалось выявить древнерусскую посуду XIV — XVI вв. на 5 поселениях на р. Ай (левый приток р. Уфы), что на северо-востоке Башкортостана (Усть-Айское, Метелинское II, Большеустьикинское, Юнусовское поселения, Абдуллинское городище).

Три последних региона, как место проживания русского населения, в письменных источниках не упоминаются, однако археологические находки свидетельствуют об инфильтрации некоторого количества индивидов и целых общин этого этнического массива в юго-восточные районы Прикамья.

Итак, первый этап освоения Прикамья носил во многом стихийный характер: непривилегированные массы населения Древней Руси бежали в северные и восточные районы Восточной Европы вследствие различных причин, в том числе от христианизации («чернь ростовская», бежавшая «от крещения рускаго в болгарских жилищах»), от княжеских усобиц, набегов кочевников, экономической зависимости, малоземелья и т. д. Одновременно проявляли себя устремления господствующего слоя к захвату новых земель с проживающим на них населением и колонизации этих земель русскими людьми с целью прочного закрепления их за собой. Борьба новгородцев и ростовцев за источники пушнины и торговые пути в двинском бассейне завершилась в целом в пользу последних к концу XII в. При этом осуществлялся захват стратегически важных плацдармов в борьбе Руси с Волжской Болгарией, а затем Золотой Ордой и Казанским ханством. Вслед за военными отрядами сюда устремляется новая волна крестьян и охотников-промысловиков.

Образование централизованного Русского государства повлекло за собой и попытку упорядочить заселение прикамских земель уже на втором этапе их освоения, то есть в XVI в. Особенно ощутимо эта попытка чувствуется после взятия Казани, когда для закрепления вновь присоединенных территорий потребовалось строительство городков. Именно в это время русские крепости возводятся в Ветлужско-Вятском между-

речье (Уржум, Малмыж, Яранск, Санчурск, Царевококшайск, Арск, Осиновское городище), Нижнем (Лаишев, Рыбная Слобода) и Среднем Прикамье (Елабуга, Набережные Челны, Пьяный Бор, Мензелинск, Каракулино, Сарапул, Оса, Очерский острожек), в Башкирии (Уфа, Бирск, Табынск). На Верхней Каме обширные угодья получают в 1558 г. Строгановы, построившие ряд городков здесь, а затем и в Чусовском бассейне (Канкор, Орел, Чусовские, Сылвенский, Яйвенский, Кунгур). Одновременно шли монастырская, посадская и крестьянская колонизации края.

Археологическое исследование прикамских русских археологических памятников XVI в. и более позднего времени проводилось крайне неравномерно. Так, обширные раскопки проведены пермскими археологами в Верхнем Прикамье: на поселениях Строгановых, как укрепленных (Орел-городок, Канкор, Нижний и Верхний Чусовские. Сылвенский и Яйвенский городки, Очерский острожек), так и неукрепленных (Новый Орел, Новое Усолье, Ленва, горный город Дедюхин, Пыскорский комплекс — слобода, монастырь, завод и медный рудник, Старое Огурдино), а также на могильниках (Кудымкарский, Даниловский, Ильинский). Проводились масштабные исследования поселений, не входящих в Строгановские вотчины, таких как Соликамск, Пермь, Кунгур (Макаров Л.Д., 1998, с. 141—147). Обследование остатков Мазуевского завода (1704—1744 гг.), а позднее и других заводов, осуществил екатеринбургский археолог Е.А. Курлаев (1995). В Среднем Прикамье проведены раскопки Ново-Никольской (Осинской) слободы (В.Ф. Генинг, В.А. Оборин), Сарапула (Н.Л. Решетников), Зуево-Ключевского III могильника (С.Е. Перевощиков), Барановского III поселения (отряды КВАЭ), Каракулинской крепости (Л.Д. Макаров), Николо-Березовки (археологи Уфы), Елабуги (А.З. Нигамаев).

Чрезвычайно слабо исследованы русские древности XV—XIX вв. в Нижнем Прикамье. Как правило, извлекаются они попутно в процессе раскопок более ранних памятников, не публикуются, а если описаны, то весьма скупо. Почти все эти находки обнаружены в ходе изучения Казани.

В последние десятилетия в дополнение к уже известным позднерусским памятникам Камско-Вятского междуречья силами КВАЭ проведены интенсивные исследования объектов XVI — XIX вв. В результате изучено более 500 памятников, около 100 которых подверглись стационарным раскопкам (Макаров Л.Д., 1997б).

Постоянные русские крепости закладываются в Башкирии во второй половине XVI — XVII вв. Это Уфа, Мензелинск, Бирск, Табынск. Разведочные работы пока проводились только в кремле г. Уфы в 1988 г. (А.И. Лебедев), где обнаружен разнообразный материал XVI — XIX вв., и на остатках Табынска в 1910 г. (С.Р. Минцлов), в 1964 г. (отряд БФАН?) и, очевидно, в начале 1990-х гг. (В.Н. Курмаев), давшие чугунные ядра

и керамику (Минцлов С.Р., 1992, с. 35, 158; Курмаев В.Н., 1994, с. 50—53; Макаров Л.Д., 1998, с. 149).

Литература

Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996. 280 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. С. 27.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: (конец V — первая половина XIII в.). Ижевск., 1998. С. 309.

Иванова М.Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 5 — 19.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI — XIII вв. Ижевск, 1992. С. 184.

Курлаев Е.А. Обследование памятников промышленной археологии в Пермской области // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Березники, 1995. С. 49 — 50.

Курмаев В.Н. Очерки истории Табынского края (с древнейших времен до начала XX века). Уфа, 1994. С. 198.

Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985, С. 45—54.

Макаров Л.Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985а. С. 763.

Макаров Л.Д. Русское население Удмуртии в период средневековья (по данным археологии) // Исторический факультет: история, современные состояние и перспективы. Ижевск, 1996. С. 99—101.

Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I — начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 39—57.

Макаров Л.Д. О древнерусских памятниках Среднего Прикамья // Конференция "Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях" (на примере региона Среднего Прикамья). Сарапул. 1997а. С. 80—82.

Макаров Л.Д. Изучение позднерусских археологических памятников в Камско-Вятском междуречье во второй половине XVIII — первой половине XX в. // Интеграция археологических этнографических исследований. Омск — Уфа. 1997б. С. 90—93.

Макаров Л.Д. 1998. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна реки Камы // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. С. 137—153.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X—XV вв.: Учебное пособие. Ижевск. 2001. С. 143.

Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь. 1995. С. 5—18.

Минцлов С.Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910 — 15 гг. Уфа. 1992.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI— начале XVII века. Иркутск. 1990. С. 168.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X — XV вв. М. 1993. С. 123.

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. № 2. 2001. С. 5 — 15.

Смирнов А.П. Волжские булгары. М. (ТР. ГИМ. Вып. 19). 1951. С. 298.
Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М. (МИА. № 28). 1952. С. 276.
Хлебникова Т.А. 1956. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК АН СССР. М. Вып. 62. С. 141 — 146.

И. В. Антонов

РУСКИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В XIII — НАЧАЛЕ XV ВЕКОВ

При характеристике этнических процессов Волго-Уральского региона золотоордынского периода обычно упускается из внимания такой очень важный в данном случае фактор, каковым являлось проникновение славянского населения. А.М. Белавин указывает на недопустимость применения понятия «русские» к населению Древней Руси и Руси Московской, которое, по мнению некоторых исследователей, может заменить собой употребление названия древнерусской народности. Поскольку русские как этнос, имеющий это название, сложились лишь к XVII в., — считает А.М. Белавин, — «само такое название задает временной диапазон XVII — XX вв. и не ранее того» (Белавин А.М., 1999). Это, конечно, резонное положение, но вряд ли стоит его абсолютизировать. Надо ли во всех случаях, относящихся к более раннему времени, вместо «русский» обязательно писать «древнерусский», ибо само собой разумеется, что речь здесь идет не о современном русском этносе как таковом? Его формирование началось, как известно, в XIV в. (Русские, 1997), т. е. в хронологических рамках рассматриваемого нами периода, так что термин «древнерусская народность» теперь уже не адекватен. В нашем случае такие понятия, как «русские» и «славяне» являются синонимами и поэтому могут употребляться параллельно.

В историографии сложились два основных направления в определении понятия «колонизация». Представители одного из них рассматривают колонизацию как процесс миграции славянского населения на еще не освоенные земли, а другие исследователи акцентируют свое внимание на политическом аспекте данного процесса (имеется в виду подчинение этих земель древнерусской феодальной администрации). Эти точки зрения не следует противопоставлять, так как оба направления могли сосуществовать. Оптимальной представляется такая точка зрения, которая разграничивает понятия «освоение» и «колонизация». Под освоением понимается «способ расселения на определенной территории пришлого населения, при котором эта территория и ее население (аборигенное и пришлое) остаются в социально-экономическом отношении независи-